

Михаил Альтер

«Любящий твой Георгий...»

Страницы домашнего альбома В. В. Седовой — жены нашего земляка-первопроходца Арктики Г. Я. Седова.

Весь январь 1953 года — месяц служебного отпуска, я провел в Ленинграде, где в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина изучал комплекты «Горного журнала» за прошлое столетие. И еще расшифровал донецкий дневник Д. И. Менделеева, который он вел в период своего почти трехмесячного пребывания в наших краях в 1888 году. Расшифровал, потому что почерк Дмитрия Ивановича был никому не понятен, кроме его бывшего секретаря Скворцова, который мне в этом помогал. Как раз от него я и узнал, что «пока здравствует» Вера Валериановна Седова — жена, как он выразился, «неудачника Седова, пытавшегося добраться к полюсу». Через несколько дней А. Скворцов устроил мне свидание с Верой Валериановной Седовой. К ней я направился со своей женой Ниной Викентьевной, которая была со мной в Ленинграде. Пришли мы к В. В. Седовой с тортом и гвоздиками. Жила она в стареньком флигеле, стоявшем в глубине двора Дома ученых. Встретила нас в длиннополом халате старого покроя, чепчике, отороченном кружевом, из-под которого выглядывали пряди седых волос, с медальончиком «сердечко» на золотой цепочке. Она выглядела пришельцем из прошлого времени. Улыбчивая, с манерами, не присущими людям послевоенного времени, Вера Валериановна сразу же расположила нас к себе культурой обращения, тонкостью манер. Наверное, потому уже с первых минут пребывания в этом патриархальном небольшом домике мне почудилось, что я уже не раз бывал здесь, разговаривал с этой милой женщиной, которая возрастом была вдвое, если не более, старше меня, и что с ней мы давние - предавние друзья.

Разговор наш касался главным образом ее мужа, которого Вера Валериановна проводила в августе 1912 года в Архангельск в полюсную экспедицию.

— Георгий Яковлевич был тогда полон энергии и сил, абсолютно здоров, — говорит она. — Потому мне не могло даже прийти в голову, что мы расстаемся навсегда. Остался лишь альбом с фотографиями....

Она достала из верхнего ящика комода увесистый альбом, на первом листе которого в просечках было помещено венчальное фото супругов Седовых. И далее, листая страницы альбома, она нараспев, неторопливо комментировала то, что было запечатлено на снимках.

— Это мы с Георгием на Новой Земле. Мы только поженились, и наше свадебное путешествие прошло в экспедиционных работах, которые вел мой муж, — рассказывала Вера Валериановна.

И так страницу за страницей она восстанавливала в памяти то, что запечатлел объектив фотокамеры. При этом она повторяла слова Георгия Яковлевича о том, что богатства, которые хранят стылые земли и ледяные просторы Арктики, станут таки достоянием русского человека, послужат Отечеству.

- Только вот не все его понимали, — сетовала она. — Особенно в Морском министерстве, где было у него немало завистников среди офицеров. Моего мужа считали выскочкой из простолюдинов и не желали, что бы он, произведенный в морские офицеры, был вровень с ними, имевшими дворянское происхождение. Первые годы муж болезненно реагировал на пренебрежение к нему, а потом не стал обращать внимания, спокойно и добросовестно выполнял служебные поручения. А их ему давали самые трудные. И это порождало зависть одних и даже открытую неприязнь других.

В альбоме, за его последней страницей, хранились дубликаты фотографий, и Вера Валериановна разрешила нам взять несколько из них на память.

— Документы экспедиции мужа находятся в Географическом обществе, я отдала туда несколько полных чемоданов. Часть личных вещей передала в музей Арктики. Хронометры - часы в золотых корпусах, а их было четыре — пришлось продать. Пенсия у меня скромная. Сама удивляюсь, как пережила блокаду Ленинграда.

Потом мы пили чай. В заключение нашего визита Вера Валериановна дала мне на память о Георгии Яковлевиче его карманные часы в серебряном корпусе — «они безнадежно повреждены, но были в руках мужа». И еще — бинокль. «В театры я уже не хожу, зачем он мне — вам же пригодится».

Через три дня я снова побывал у Веры Валериановны, несколько часов слушал ее воспоминания о муже и записал их. Они были опубликованы от ее имени в журнале «Знание — сила», выходившем в Москве. В тот раз В. В. Седова показала мне последнее письмо, которое написал ей муж, уходя на полюс.

— Вот читайте, здесь ни слова о его болезни, а ведь уже тогда дни его были сочтены. Такая вот трагическая судьба...

Она разрешила сделать фотокопию с этого письма, которое собиралась отдать в Географическое общество. Впоследствии я написал и опубликовал десять материалов, посвященных разным сторонам гидрографической деятельности Г. Я. Седова. Вступил в отделение географии полярных стран Географического общества СССР, продолжал при случае накапливать «седовское досье». Были написаны первые главы документальной повести «Шаги к мечте».

Позже, четыре года по выходе на пенсию, был приглашен правлением седовского колхоза «Заветы Ильича» на должность директора - организатора музея Г. Я. Седова, здание для которого медленно, с потугами, но строилось. Занялся сбором экспонатов и материалов для этого музея, которые ныне составляют основу его экспозиции.

Позднее я вновь вернулся к седовской теме в надежде разобраться в причинах неудач, постигших его последнюю полярную экспедицию, и гибели ее организатора и руководителя. Так появилось продолжение повести «Шаги к мечте», ее шестая глава.

Неудача последней экспедиции и отчаянные действия ее руководителя не умаляют большого личного вклада, который внес Г. Я. Седов своей гидрографической деятельностью в освоение крайнего Севера.

И все же пока остается еще немало белых пятен в научно-практической деятельности нашего земляка. Не теряю надежды, что расшифровкой их займутся молодые люди — пытливые и энергичные.